

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
21 (84)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ИРАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

СОГД

(К истории изучения страны и о задачах ее исследования)

Согдиана — один из древнейших культурных оазисов Средней Азии — лежала в бассейнах Зеравшана и Кашкадарьи. Ее изучение долго шло в общем русле истории Средней Азии, начало серьезному исследованию которой было положено после присоединения Туркестанского края к России.

К концу XIX в. накопилась уже значительная литература о Средней Азии, были изданы источники, имеющие первостепенное значение для ее изучения, и появился ряд исследований, в том числе В. В. Григорьева, Н. В. Ханькова, А. Вамбери, И. П. Лерха и других. В 1873 г. печатаются очерки Э. Захау по истории Хорезма.¹ А через пять лет, в 1878 г., вышла работа, специально посвященная древней Согдиане. Ее автору В. Томашеку принадлежит первая попытка восстановить историко-географическую карту древней Согдианы и средневекового Согда.² Тогда же было положено начало археологическому изучению Средней Азии, носившему в конце XIX в., как и позже, в начале XX в., рекогносцировочный характер.³ Был выявлен и зафиксирован на карте ряд городищ в долине Зеравшана и по берегам Сырдарьи, среди них остатки крупнейшего центра согдийской культуры — Афрасиабское городище древнего Самарканда. Несмотря на то что раскопки велись небольшие и носили, как правило, частный, бессистемный характер, материал был собран для того времени огромный и первоклассный. Для его оценки достаточно вспомнить всем известную коллекцию согдийских оссуариев. Наиболее существенные результаты были получены Н. И. Веселовским, положившим в 1875 г. начало археологическим

¹ E. S a c h a u. Zur Geschichte und Chronologie von Khvarizm, I—II. Wien, 1873 (Sonderabdr. aus SBAW, Wien, Bd. LXXIII, SS. 471—506; LXXIV, SS. 285—330).

² W. T o m a s c h e k. Centralasiatische Studien, I, Sogdiana (mit drei Karten). Wien, 1877 (SBAW, Bd. LXXXVII, SS. 67—184).

³ Археологическому изучению Средней Азии немало способствовали Археологическая комиссия, созданная при Русском археологическом обществе, и образованный в 1895 г. в Ташкенте силами местной интеллигенции Туркестанский кружок любителей археологии, доклады членов которого печатались в трудах и сообщениях кружка.

работам на Афрасиабе,⁴ и Н. Ф. Ситняковским (1896—1900)⁵ благодаря топографическому обследованию Бухары и Бухарского оазиса. Большое значение имели работы В. А. Жуковского, прошедшего всестороннее обследование Мервского оазиса и трех городищ старого Мерва с привлечением письменных источников.⁶

В конце XIX в. почти одновременно русскими и западными учеными были предприняты экспедиции в северную Монголию и Сериндию. В бассейне р. Енисея и в Монголии в долине Кошо-Цайдам на берегу Орхона были открыты памятники древнетюркской письменности, ставшей известной сперва под названием орхоно-енисейской, а позже — рунической; к их числу принадлежит известная Карабалгасунская трехязычная надпись, открытая в 1889 г. русским исследователем Н. М. Ядринцевым.

Открытия этих лет стали стимулом к дальнейшему углубленному исследованию истории и истории культуры Средней Азии с широким привлечением письменных источников, значительная часть которых была выявлена в это время. В свете новых данных отчетливо обрисовались взаимоотношения среднеазиатских владений с тюркским каганатом, первое исследование которых принадлежит Э. Шаванну.⁷ В 1900 г. вышел в свет капитальный труд В. В. Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“, широко освещающий и предшествующий период — предмусульманскую историю Средней Азии. Труд В. В. Бартольда создал эпоху в истории изучения Средней Азии. Не говоря о том, что В. В. Бартольд ввел в научный обиход огромный круг источников и дал на их основе блестящий историко-географический обзор среднеазиатского Заречья (Мавараннахра), наметил общую схему периодизации не только политической, но и социально-экономической истории Средней Азии. Важно, что в этой работе, как и в последующих своих трудах, В. В. Бартольд ставил и рассматривал ряд вопросов, связанных с историей среднеазиатских владений раннего средневековья. Он убедительно показал, что арабское нашествие на Среднюю Азию явилось не только внешним фактором, но вызвало изменение общественных отношений в стране и способствовало развитию

⁴ Н. И. Веселовскому посчастливилось первому открыть внутренние стены древнего Самарканда. Тогда же им был составлен первый и до сих пор остающийся единственным топографический план Афрасиабского городища. О работах Н. И. Веселовского см.: А. Ю. Яковлевский. К истории археологического изучения Самарканда. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 290 и сл.

⁵ Н. Ф. Ситняковский составил на основе своих наблюдений и письменных источников описание системы орошения Бухарского оазиса. Им же были открыты и нанесены на карту обвалованные остатки древней стены, окружавшей бухарские районы и защищавшие их от кочевников. См.: Н. Ф. Ситняковский. Заметки о Бухарской части долины Зеравшана. ИТОРГО, т. I, вып. 2, Ташкент, 1900.

⁶ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. Древности Закаспийского края, СПб., 1894. В труде В. А. Жуковского среднеазиатский город был впервые показан в своем развитии.

⁷ Ed. Chavannes. Documents sur les tou-kie (tures) occidentaux. Сб. трудов Орхонской экспедиции, вып. VI, СПб., 1900.

ее экономики. Именно в этом коренное отличие его работ от исследований его предшественников, рассматривающих лишь частные вопросы политической истории и исторической географии.⁸

К этому времени первых успехов достигла среднеазиатская нумизматика, интерес к которой растет. Еще в начале XIX в. крупнейший нумизмат своего времени Френ выделил группу среднеазиатских серебряных монет, чеканенных по образцу сасанидских и названных им „монетами тюркских хаканов афрасиабова рода“.⁹ С описанием этих монет мы встречаемся позже у многих исследователей, в том числе у В. Тизенгаузена, включившего их в свой каталог монет восточного халифата.¹⁰ К началу XX в. из нумизматических материалов, поступавших из Средней Азии, сложились собрания среднеазиатских монет Государственного Эрмитажа и Азиатского музея. Среди этих монет русскими нумизматами была выделена группа, удачно названная Э. Друэном туранской, т. е. восточноиранской. В нее вошли медные (как позже установлено, бронзовые) монеты с изображением человеческих голов и животных и с надписями, выполненными неопределенными в то время письменами (так называемыми арамейско-кушанийскими). Затем из их числа было выделено несколько серий монет, надписи на которых были определены как уйгурские (оказавшиеся впоследствии согдийскими).¹¹ Исследования Э. Друэна продолжил Аллот де ла Фю.¹² Появилась работа П. И. Лерха, посвященная среднеазиатским серебряным монетам, выделенным в начале века Френом в особую группу. Последнему удалось установить принадлежность этих монет домусульманским правителям Бухары — бухархудатам.¹³ Предложенное им чтение надписей легло в основу всех дальнейших исследований.

О согдианистике как о самостоятельной области науки мы можем говорить с начала XX в., когда в руках ученых оказались рукописи из Сериндии, обнаруженные экспедициями А. Стейна и П. Пельо и сразу привлечшие к себе внимание всего востоковедного мира.

Исследование одной из трех групп обнаруженных экспедициями рукописей, оказавшихся согдийскими, открыло согдийский язык, который до тех пор был известным по упоминаниям в источниках и отдельным

⁸ О значении работ В. В. Бартольда см. предисловие И. П. Петрушевского к т. I „Сочинений В. В. Бартольда“, М., 1963, стр. 23—38.

⁹ *Novae Symbolae ad rein numarium Muhammeddanorum ex Museis Pflugiana atque Manteufeliano. Petropoli nec non Needloviano Casanis.* Ed. doct. C. M. Fraehn. Petropoli et Halis Saxorum, 1819, pp. 45—46.

¹⁰ В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873.

¹¹ Ed. Drouin. 1) Les monnaies Touraniennes. Extré de la Revue Numismatique, Paris, 1891; 2) Monnaies Turcochinoises des VI, VII, et VIII siècles. Revue Numismatique, 4-me Série, t. 14, 1910; t. 28, 1925; t. 29, 1926.

¹² Allotte de la Fuye. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines. Revue Numismatique, 4-me Série, part. 28, 1891.

¹³ П. И. Лерх. Монеты бухархудатов. ТВОРАО, ч. XVIII, СПб., 1875—1909. О них же см.: E. Thomas. Bilingual Coins of Bukhara. Numismatic Chronicle and Journal of Numismatic Society, 3 rd. ser., v. I, 1881, pp. 116—128.

встречающимся в них словам. Согдийские рукописи оказались представленными разными видами текстов, получивших название по своему содержанию согдо-буддийских, согдо-христианских и согдо-манихейских. Первые из них написаны так называемым согдо-буддийским письмом, известным по уйгурским памятникам, впоследствии получившим название согдийского национального или государственного письма; вторые — сирийским; третьи — письмом, получившим название манихейского. Тогда же экспедицией А. Стейна (1906—1908 гг.) в развалинах сторожевого пограничного укрепления к западу от Дунхуана были, помимо прочих находок, обнаружены остатки согдийской почты — первые, ставшие нам известными частные письма, получившие в научном обиходе название „Старых писем“. Эти письма — первые согдийские оригинальные (непереводные) тексты, оказавшиеся в руках ученых. Согласно позднейшим исследованиям (В. Б. Хеннинг), они относятся к IV в.¹⁴ Зимой 1914/15 г. ряд рукописей и большое количество их обрывков, по-видимому того же происхождения, приобрел у местного населения в Дунхуане глава Русской туркестанской экспедиции С. Ф. Ольденбург. Часть приобретенных им рукописей оказалась согдийскими.

Филологическое исследование новых материалов сосредоточилось на Западе. Первые публикации и исследования согдо-буддийских текстов принадлежат Р. Готью,¹⁵ христианских — Ф. В. К. Мюллеру.¹⁶ В России К. Залеман печатает один из первых грамматических курсов согдийского языка текстов христианского содержания.¹⁷

В свете новых находок удалось прочесть третий текст Карабалгасунской надписи, оказавшийся согдийским. Язык надписи установлен Ф. В. К. Мюллером и Г. Андреасом.¹⁸ Изучаются согдийский язык и ягнобский, нередко называемый новосогдийским.

Новые открытия сосредоточивают внимание исследователей на древнем Согде, его колониях. Выясняется культурная и политическая роль согдийцев в Средней Азии, определяется их значение как посредников и участников в мировой торговле того времени, их колонизаторская деятельность на Востоке. В 1914 г. публикация исследований была прервана начавшейся войной. Первые послевоенные публикации согдийских документов в СССР принадлежат Ф. А. Розенбергу, издавшему

¹⁴ W. Henning. The Date of the Sogdian Ancient Letters. BSOS, vol. XII, parts 3—4, 1948, pp. 601—615.

¹⁵ R. Gauthiot. 1) De l'alphabet sogdien. JA, série X, t. XII, 1911, pp. 81—95; 2) Note sur la langue et l'écriture des documents Stein-Cowley. JRAS, 1911, pp. 497—507; 3) Une version sogdienne du Vessantara Jataka. JA, série X, t. XIX, 1912, pp. 63—193, 490—510.

¹⁶ F. W. K. Müller. Sogdische Texte, I (APAW, 1912). Berlin, 1913.

¹⁷ C. Saleman. Beiträge zur christlich-soghdischen Grammatik. Изв. имп. АН, VI сер., т. VII, 2, 1913, № 18, стр. 1125—1144. Им же были собраны и изучены в конце XIX в. первые материалы по новосогдийскому языку — ягнобскому.

¹⁸ F. W. K. Müller. Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei. APAW, 1909, XIV; F. G. Andreas. Zwei Soghdische Excurse zu W. Thomsens. Ein Blatt in türkischer Runenschrift. SPAW, 1910, XV, SS. 305—314.

в 1917—1920 гг. три отрывка согдийских текстов из дунхуанского фонда Азиатского музея.¹⁹

Между тем в России накопилось немало материалов по археологии Средней Азии, правда, все еще в общем случайного порядка, так как изыскания продолжали носить разведывательный и к тому же любительский характер. Более серьезными были работы на Афрасиабском городище, в которых принимали участие крупнейшие востоковеды.²⁰ Но только после Октябрьской революции можно говорить о сравнительно широких, а главное планомерных разведывательных работах, постепенно охвативших почти всю территорию Средней Азии. На местах создавались учреждения, ведавшие охраной памятников и их изучением. Устанавливается теснейшая связь русского востоковедения со среднеазиатской тематикой.

Двадцатые годы знаменуются широко известными работами В. В. Бартольда и других исследователей. В тридцатых годах организуются крупные экспедиции, а к сороковым годам среднеазиатская археология встает уже прочно на ноги.²¹ А. Ю. Якубовский, ученик и преемник В. В. Бартольда, и В. А. Шишкин возглавляют разведывательные экспедиции в Бухарском оазисе. Изучается один из древнейших городов последнего — Пайканд, город купцов. В 1939 г. В. В. Григорьев и И. А. Сухарев открывают замечательные памятники согдийской культуры под Самаркандом — городища Кафир-Кала и Тали-Барзу.²² В Чейлытко фиксирует рядом с современным Пенджикентом (60 км к востоку от Самарканда) городище Кайнар-Су, как было позже установлено А. Ю. Якубовским, — остатки согдийского города Пенджикента (Pñcu kñdh мугских документов).

Крупнейшее событие в области согдианистики произошло в 1933 г.: на горе Муг (в северном Таджикистане) в развалинах сторожевой крепости Калаи Муг (крепость Мага) были обнаружены согдийские документы на палках (23), коже (36) и бумаге (17). Документы по мере их обнаружения поступали в Таджикистанскую базу АН СССР от А. Пулоти (шифр В и Nov.), А. И. Васильева (шифр А) и от экспедиции Таджикостанской базы АН СССР на гору Муг, участниками которой были А. А. Фрейман, А. И. Васильев и В. А. Воробьев (шифр Б). Уже в 1934 г. вышел специальный сборник, посвященный новым находкам,

¹⁹ Fr. Rosenberg. 1) Un fragment sogdien bouddhique du Musée Asiatique (Kr. IV Soghd. 4). Изв. АН СССР, т. XXI, 1927, стр. 1375—1398; 2) Deux fragments sogdien-bouddhiques du Tsien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. Oldenburg 1914—1915): I. Fragment d'un conte (ИРАН, т. XII, 1918, стр. 817—842); II. Fragment d'un Sutra (ИРАН, т. XIV, 1920, стр. 399—474).

²⁰ А. Ю. Якубовский. К истории археологического изучения Самарканда, стр. 285—336.

²¹ См.: А. Тереножкин. Литература по археологии в Узбекистане. ВДИ, 1939, № 1, стр. 186—191.

²² Г. В. Григорьев. 1) Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 87—104; 2) Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. Тезисы канд. дисс., КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 150—153.

в котором публикуется первая краткая опись согдийских документов, составленная А. А. Фрейманом, и блестящее исследование В. А. Крачковской и И. Ю. Крачковского, установивших время и место написания документов.²³ За два года до появления сборника увидела свет последняя работа Ф. А. Розенберга о согдийских старых письмах из Дунхуана.²⁴ Первый русский согдолог Ф. А. Розенберг скончался, так и не увидев новых находок. В 1936 г. А. И. Васильев (участник археологических работ на горе Муг) защитил диссертацию на тему „Согдийцы и их вооружение“, в которой автор впервые попытался сопоставить социальную терминологию согдийских текстов из Дунхуана с арабской, зафиксированной для Средней Азии мусульманскими источниками.²⁵ Мугские документы, естественно, им использованы быть еще не могли. Первые четыре документа из мугского собрания издаются А. А. Фрейманом в 1936 г., в 1938 г. им же публикуется еще один.²⁶ В 1936 г. А. А. Фрейман приступил к составлению согдийского документированного словаря, к работе над которым были привлечены его ученики Л. А. Хетагуров и автор настоящей статьи. В 1938 г. словарь был закончен, подготовке его к изданию помешала начавшаяся война.

В 1930 г. нумизматические коллекции Азиатского музея в связи с преобразованием последнего в академический институт, получивший название Института востоковедения, были переданы в Государственный Эрмитаж, собрание домусульманских среднеазиатских монет которого стало постепенно пополняться новыми поступлениями из Средней Азии. Среди находок с горы Муг оказалось пять монет типа туранских. А. И. Васильев предположил, что эти монеты должны быть местными — согдийскими, найденными *in situ*. А. А. Фрейман подтвердил предположение А. И. Васильева, прочтя на двух из них имена царей Согда — Тархуна и Гурека. Позже автор настоящей статьи, прочитав надписи на двух других мугских монетах (ϣωβ ρηϥυ ΜΡΥη), установила их принадлежность князьям Пенджикента. Появляются работы, посвященные среднеазиатской домусульманской нумизматике: монетам тюргешей²⁷ и первые публикации согдийских монет.²⁸

На Западе, как и в России, двадцатые годы знаменуются большим оживлением в области востоковедения, в частности согдианистики.

²³ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии. Согдийский сборник, М.—Л., 1934, стр. 52—90.

²⁴ А. Ф. Розенберг. Согдийские „Старые письма“. К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии. Изв. АН СССР, VII сер., ООИ, № 5, Л., 1932, стр. 445—469.

²⁵ А. И. Васильев. Согдийцы и их вооружение. Тезисы канд. дисс., Л., 1936.

²⁶ А. А. Фрейман. 1) Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Труды ИВ АН СССР, т. XVII, Л., 1936, стр. 137—165; 2) Согдийский рукописный документ астрономического содержания (календарь). ВДИ, 1958, № 2 (3), стр. 34—49; 3) Согдийский рукописный документ на коже б.В5 из собрания документов с горы Муг. ВДИ, 1940, № 1, стр. 99—101.

²⁷ А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 105—111.

²⁸ О. И. Смирнова. 1) О трех согдийских монетах. ВДИ, 1939, 1 (6), стр. 116—120; 2) Новые данные по истории Согда VIII в. ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 97—102.

В 1923 г. выходит работа Гибба,²⁹ специально посвященная арабским завоеваниям в Средней Азии, и вторая после труда Томашека работа по древней Согдиане — японского ученого Р. Ширатори.³⁰ Особенно успешно развивается на Западе согдийская филология. Продолжаются прерванные первой мировой войной изучение и публикация согдийских текстов, появляется ряд крупных исследований, из них важнейшие принадлежат Р. Готью (посмертное издание) и Е. Бенвенисту.³¹ Х. Райхелт издает буддийские тексты и старые письма из Турфана,³² О. Хансен — согдийский текст Карабалгасунской надписи.³³ Христианские тексты публикуются Ф. В. К. Мюллером и В. Ленцем.³⁴ Появляются первые публикации манихейских текстов В. Б. Хеннинга.³⁵ Печатается исследование И. Маркварта по исторической географии Восточного Ирана.³⁶ Сороковые годы явились временем расцвета согдианистики, этой новой отрасли востоковедения. Е. Бенвенист переиздает и публикует транслитерацию и перевод согдийских текстов экспедиции П. Пельо, хранящихся в Парижской национальной библиотеке, и альбом их фоторепродукций,³⁷ а также фрагменты христианских текстов.³⁸ В. Б. Хеннинг продолжает свои исследования и публикации манихейских текстов и ряда других,³⁹ О. Хансен — христианских текстов берлинского собрания.⁴⁰ Появляются первые статьи И. Гершевича, а затем его фундаментальный

²⁹ H. A. K. Gibb. 1) *The Arab Conquests in Central Asia*. London, 1923 (James G. Forlong Fund, v. II); 2) *The Arab Invasion of Kashgar in AD 715*. BSOS, vol. II, prt. 3, 1922, p. 467—474.

³⁰ R. Shiratori. *A Study on Su-t'e or Sogdiana*. Memoirs of the Toyo-Bunko, Tokyo, 1928, № 2.

³¹ R. Gauthiot. *Essai de Grammaire Sogdienne*. I, Phonétique. Paris, 1914—1923; E. Benveniste. *Essai de Grammaire Sogdienne*, II. Paris, 1929.

³² H. Reichelt. *Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums*, t. I—II. Heidelberg, 1928—1931.

³³ O. Hansen. *Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun*. JS. F. Ou., XLIX, 3, Helsingfors, 1930.

³⁴ F. W. K. Müller, W. Lentz. *Sogdische Texte*, II. SPAW, XXI, 1934.

³⁵ W. B. Henning. *Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch*. APAW, 1936, № 10, Berlin, 1937.

³⁶ J. Markwart. *Wehrot und Arang*. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran, Leiden, 1938.

³⁷ E. Benveniste. 1) *Codices sogdiani*. Manuscripts de la Bibliothèque Nationale (Mission Pelliot) reproduits en fac-simile avec une introduction. Copenhagen, 1940; 2) *Textes sogdiens*, édités, traduits et commentés. Paris, 1940; 3) *Vessantara Jataka*. Texte sogdien, édité, traduit et commenté. Paris, 1946.

³⁸ E. Benveniste. *Fragments des Actes de Saint Georges en version Sogdienne*. JA, t. CCXXXIV, 1943—1945, pp. 91—116.

³⁹ W. B. Henning. 1) *Sogdica* (James G. Forlong Fund), vol. XXI, 1940; 2) *The murder of the Magi*. JRAS, 1944, oct., pp. 133—144; 3) *Sogdian Tales*. BSOS, vol. XI, part. 3, 1945, pp. 465—487; 4) *The Sogdian Texts of Paris*. BSOS, vol. XI, part. 4, 1948, pp. 713—740; 5) *A Sogdian fragment of the Manichaean Cosmogony*. BSOS, vol. XII, part 2, 1948, pp. 306—318.

⁴⁰ O. Hansen. 1) *Berliner soghdische Texte*. I. Bruchstücke einer soghdischen Version der Georgspassion. APAW, Phil.-hist. Kl., 1941, № 10; 2) *Berliner soghdische Texte II*. Abhandl. der Geistes und Sozialwissenschaftlichen Kl. d. AW und d. Literatur in Mainz, № 15, Wiesbaden, 1954.

труд — монографическое исследование языка манихейских текстов.⁴¹ Издается Птолемеяевская Согдиана И. Маркварта — продолжение его историко-географических штудий по Ирану и Средней Азии.⁴² Появляется ряд сводных работ и частных исследований по Средней Азии, освещающих разные стороны ее жизни (Б. Шпулер, М. Алтхейм, Р. Н. Фрай, К. Эноки и др.).

В СССР значительная продвинулась вперед археология Средней Азии. Исследуется обширная территория древней Согдианы, изучаются памятники огромного культурного значения. К западу от Бухары в разное время (с 1937 г.) производились раскопки на городище древней Варахши. В. А. Шишкиным открыты остатки великолепного дворца бухарских владык, стены которого оказались покрытыми росписью. С. К. Кабанов исследует долину р. Кашкадарья, ее городища и тепе. Работы на среднем Зеравшане, начатые в 1946 г. согдийско-таджикской экспедицией, возглавлявшейся до 1954 г. ее инициатором и создателем А. Ю. Якубовским, проводятся ежегодно. На Зеравшане, там, где горы отступают от реки, образуя приречную плодородную долину с лёссовыми землями, постепенно раскрываются остатки изящного города раннего средневековья — древнего Пенджикента — с его прекрасной росписью. Разворачиваются работы, начатые в 1950 г. на территории древней Усрушаны. Их возглавляет ученик А. Ю. Якубовского Н. Негматов. На стенах зданий двойного шахристанского городища Каххака (к юго-западу от современного города) открыты остатки росписей.

На том же городище в 1962 г. найден первый местный (усрушанский) документ; как и следовало ожидать, язык и письмо его оказались согдийскими. Документ датирован пятнадцатым годом правления усрушанского князя (γωβ) Ḥω'ωс (Кауса?). На том же городище в 1962 г. найдена бронзовая монета самаркандского царя Тархуна⁴³ — первая согдийская монета, обнаруженная на территории древней Усрушаны; в 1967 г. — согдийские монеты с именами усрушанских владык VI—VII вв. — Чирдиш, Сатачари, Раханч, — прочтенными автором.

Систематически изучается древний Самарканд — Афрасиабское городище. А. И. Тереножкин доказал существование на его территории древнего поселения VI—IV вв.⁴⁴ Но только в 1965 г. древняя столица Согда подарила исследователям замечательный памятник своего прошлого — богатейшие росписи, сопровождаемые пояснительными к ним согдийскими и эфталитским текстами.⁴⁵ Открывающиеся постепенно по всей территории среднеазиатского Заречья памятники изобразительного

⁴¹ I. Gershevitch, A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.

⁴² J. Markwart, Die Sogdiana des Ptolemaios. Orientalia, vol. 15, 1946, pp. 123—149, 286—323.

⁴³ Документ датирован 22-м днем VIII месяца согдийского календаря (m'γu 'rпѣ туѢ ωtrωѢ).

⁴⁴ Об основных проблемах, вставших перед исследователем древнего Самарканда, см.: М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4; Я. Г. Гулямов. Новый блеск древнего Самарканда. Общественные науки в Узбекистане, 1965, № 8, стр. 31—35.

⁴⁵ В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

искусства — росписи и скульптура — представляются новым, необычно глубоким и обширным источником для изучения материальной и духовной культуры населявших ее народов. Они же приоткрывают отдельные страницы их истории. Результаты работ Согдийско-таджикской экспедиции публикуются в трудах экспедиции⁴⁶ и в сборниках, посвященных пенджикентским росписям и памятникам изобразительного искусства Согда.⁴⁷

Археологические изыскания этого периода положили начало новому этапу в изучении Средней Азии. Одним из основных исследуемых вопросов становится социально-экономическая история Средней Азии, ее периодизация.⁴⁸ Появляются обобщающие исследования по истории Узбекской и Таджикской республик, исторически сложившихся на территории древней Согдианы.⁴⁹ Большие успехи археологии древнего Согда ознаменовались такими обобщающими работами, как монографии А. И. Тереножкина „Согд и Чач“ и В. А. Шишкина „Варахша“.⁵⁰ Не менее важным в данном аспекте представляется исследование В. А. Ворониной „Проблемы раннесредневекового города Средней Азии“.⁵¹ Статья Б. Я. Ставиского посвящена пенджикентскому некрополю.⁵² Появляются монографические исследования Н. Негматова и А. Джалилова по истории Согда и Усрушаны.⁵³ А. М. Беленицкому принадлежит сводка дан-

⁴⁶ Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции, т. I (1946—1947), МИА, № 15, 1950; т. II (1948—1950), МИА, № 37, 1953; т. III (1951—1953), МИА, № 66, 1958; т. IV (1954—1959), МИА, № 124, 1964.

⁴⁷ Живопись древнего Пенджикента, М., 1954; Скульптура и живопись древнего Пенджикента, М., 1959.

⁴⁸ См.: С. П. Г о л с т о в. 1) Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 176—203; 2) Периодизация древней истории Средней Азии. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 18—29; А. Ю. Я к у б о в с к и й. 1) Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах). Труды первой сессии арабистов, 14—17 июня 1935, Труды ИВ АН, вып. XXIV, 1937; 2) Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 30—43; 3) Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. Труды Тадж. фил. АН, т. XXIX, 1951, стр. 3—17 и др.

⁴⁹ Б. Г. Г а ф у р о в. История таджикского народа в кратком изложении, т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Изд. 3, испр. и дополн., М., 1955; История народов Узбекистана, т. I, С древнейших времен до начала XV века, Ташкент, 1950; История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, 1955; История таджикского народа, т. I, С древнейших времен до V в. н. э., М., 1963; т. II, кн. I, Возникновение и развитие феодального строя (VI—XVI вв.), М., 1964; История Узбекской ССР. Том первый. С древнейших времен до середины XIX в. Ташкент, 1967.

⁵⁰ А. И. Т е р е н о ж к и н. Согд и Чач. Тезисы канд. дисс., КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 152—169; В. А. Ш и ш к и н. Варахша. М., 1963.

⁵¹ В. А. В о р о н и н а. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии (по данным археологии). Автореф. докт. дисс., М., 1961.

⁵² Б. Я. С т а в и с к и й. Пенджикентский некрополь, как памятник культуры VII—VIII вв. Автореф. канд. дисс., Л., 1954.

⁵³ Н. Н е г м а т о в. 1) Усрушана в VII—VIII вв. (по материалам письменных и археологических источников). Автореф. канд. дисс., Л., 1952; 2) Усрушана в древности и раннем средневековье. Душанбе, 1957; А. Д ж а л и л о в. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. Труды АН Тадж. ССР, т. XXX, Душанбе, 1961.

ных из накопившихся за последнее время работ исследователей о древнем Пенджикенте, культуре и быте его населения.⁵⁴ О. А. Сухарева положила начало историко-этнографическому исследованию Бухары.⁵⁵ Несколько хуже обстоит дело в области согдийской филологии. В пятидесятых годах А. А. Фрейман исследует и издает шесть согдийских документов мугского собрания.⁵⁶ Но только в 1963 г. выходит их полное издание, осуществленное коллективом авторов; изданию предшествовал ряд публикаций отдельных документов (1958—1962 гг.). Известных успехов достигает среднеазиатская нумизматика: накопившийся за истекшее время богатый среднеазиатский материал из Средней Азии постепенно изучается и систематизируется. Продолжают разрабатываться новые отрасли нумизматики — тюркская и древне- и среднесогдийская.⁵⁷ Пересматривается чтение надписей на серебряных монетах бухархудатов, предложенное в конце прошлого века П. И. Лерхом, бесспорное чтение и перевод которых теперь можно считать установленным.⁵⁸ М. Е. Массон исследует среднеазиатское серебро, чеканенное в подражание сасанидским драхам; систематически регистрирует их находки в бассейне Зеравшана. Им же ставится вопрос о роли византийской монеты в денеж-

⁵⁴ А. М. Беленицкий. Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии. Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук, Л., 1967.

⁵⁵ О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1962.

⁵⁶ А. А. Фрейман. 1) Два согдийских рукописных документа на коже с горы Муг в Таджикистане. ВДИ, 1952, № 1, стр. 182—186; 2) Три согдийских документа с горы Муг. ПВ, 1959, № 1, стр. 120—134; 3) Согдийский документ на коже. (Из собрания документов с горы Муг). ПВ, 1959, № 2.

⁵⁷ И. М. Явич. Замечания об одном неисследованном среднеазиатском алфавите. ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 205—244; В. М. Массон. 1) Древнесогдийские монеты из собрания Музея истории АН Узб. ССР. Труды Музея истории Узб. ССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 85—88; 2) Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. ВДИ, 1955, № 2 (52), стр. 37—47; С. К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI вв. ВДИ, 1961, № 1, стр. 137—144; А. Н. Бернштам. Новый тип тюркешских монет. Тюркологический сборник, М.—Л., 1951, стр. 68—72; Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Шербак. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг. Узб. ИВ АН, т. XVI, 1958, стр. 514—653; О. И. Смирнова. 1) Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. СВ, т. VI, 1949, стр. 356—367; 2) Материалы к сводному каталогу согдийских монет. ЭВ, т. VI, 1952, стр. 3—45; 3) Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. СВ, 1957, № 2, стр. 119—134; 4) Монеты древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958, стр. 216—280 и др.; А. А. Фрейман. 1) О некоторых согдийских монетах и легендах. СВ, 1958, № 3, стр. 128—131; 2) Согдийские В (У) Δ ' (') N (H). Отделение литературы и языка, т. XVII, вып. 4, 1958, стр. 309—315.

⁵⁸ Ср. чтения В. Б. Хеннинга — ρωχ'г γωβ k'у (или β'у) — в статье: R. F. Guye. Notes on the Early Coinage at Transoxiana. Numismatic Notes and Monographs. 1949, n. 113, p. 27; ср.: В. А. Лившиц, К. В. Кауфман и И. М. Дьяконов — ρωγ'г γωβ k'n' — О древней согдийской письменности Бухары. ВДИ, 1954, 1 (47), стр. 157; О. И. Смирнова — ρωγ'г γωβ k'ω' — Монеты древнего Пенджикента. Труды Тадж. арх. экспед., 66, 1958, стр. 242, прим. 4; W. B. Henning. Mitteilungen. Handbuch der Orientalistik, Bd. IV, Iranistik, Abschn. I, Linguistik, Leiden—Köln, 1958, 5, 53.

ном обращении Средней Азии, в частности в Согде.⁵⁹ Работы С. К. Кабанова в южном Согде в конце 50-х годов выявили древнейшую из известных до сих пор групп монет Кашкадарьинского оазиса — нахшебскую.⁶⁰ Огромное число монет, обнаруживаемое при археологических работах почти повсеместно в Средней Азии, требует публикации. Значение археологически документированных нумизматических материалов растет. В настоящее время мы вправе говорить о новой, качественно отличной нумизматике — нумизматике археологической и поставить вопрос о разработке вместе с археологами ее методики. Наиболее целесообразной формой публикации раскопочных материалов представляется издание „археологических монетных комплексов“, иными словами, одновременная публикация всех без исключения монет, объединенных в единый комплекс местом их находки.⁶¹

Если мы обратимся к специальным и обобщающим работам по Средней Азии, то заметим, что история средневекового Согда продолжает рассматриваться как часть истории (предыстории) республик, сложившихся на ее территории, не выделена в самостоятельную дисциплину. Нет сомнений, что лучше всего изучены историческая география и политическая история края; но и в этих областях наших знаний имеются существенные пробелы. Благодаря успехам, достигнутым за последнее время среднеазиатской археологией, достаточно полное освещение получила материальная культура страны, в частности искусство. Значительно хуже обстоит дело с внутренней историей края, все еще не раскрытой. Основные вопросы экономики и социальных отношений в Средней Азии раннего средневековья до сих пор мало разработаны, поэтому выводы зачастую продолжают носить характер априорных суждений.

Одной из причин малой разработанности социальной проблематики и экономики, не говоря о недавно имевшем место увлечении социальной схематизацией исторических процессов, долгое время являлся недостаток фактических данных, обусловленный почти полным отсутствием местных письменных источников, в первую очередь документов. Другой причиной малой разработанности внутренней истории Согда, как и Средней Азии в целом, все еще остается недостаточная изученность уже вошедших в науку письменных источников, требующих дополнительной филологической обработки и дальнейшего углубленного исследования совокупности их данных по отдельным вопросам. Последнее касается не только

⁵⁹ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Труды САГУ (история), новая серия, вып. XXIII, Ташкент, 1951, стр. 91—104.

⁶⁰ С. К. Кабанов. 1) Согдийское здание V в. в долине Кашка-Дарьи. СА, № 3, 1958, стр. 151; 2) Нахшебские монеты V—VI вв. ВДИ, 1961, № 1, стр. 137—144; 3) Археологические данные этнической истории Южного Согда во II—VI вв. СА, 1963, № 1, стр. 219—223.

⁶¹ К таким публикациям принадлежат: Numismatique Susienne, Monnaies trouvées à Suse de 1946 à 1956. Par R. Göbl, G. Le Rider, G. C. Miles, J. Walker. Paris, 1960 (Mémoires de la Mission archéologique en Iran, t. 37, Mission de Susiane); Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван, 1961; О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

согдийских и других текстов, открытых в конце прошлого века и фактически после В. В. Бартольда и его современников оказавшихся вне поля зрения историков, но и широко известных разноязычных нарративных источников.

Археологические открытия последнего времени, накопившиеся вещественные памятники, найденные *in situ* согдийские документы, в первую очередь документы мугского собрания, постепенно складывающаяся коллекция согдийских и раннехалифатских среднеазиатских монет, обнаруживаемых на городищах почти повсеместно, привели к необходимости пересмотреть ряд прежних выводов и положений и еще раз критически обратиться к нашим прежним источникам. Известный шаг в этом направлении сделали составители двухтомной „Истории таджикского народа“, привлекая новые материалы первостепенной важности. Однако эти материалы, в частности нумизматические, использованы в книге далеко не полно. Вряд ли авторы „Истории“ правы, утверждая, что „свойственная феодальному периоду раздробленность происходит на рубеже VI—VII вв.“.⁶² Монетные данные приводят нас к обратному выводу. Совершенно очевидно, что в это время в Средней Азии наблюдается обратный процесс, в результате которого к середине VII в. на ее территории сложилось новое государственное образование — государство самаркандских ихшидов. С образованием последнего теснейшим образом связан имевший место в VII в. экономический расцвет Согда, отчетливое представление о котором дают результаты археологических исследований на его территории. „VII век, — пишет А. И. Тереножкин, — время блестящего подъема ремесла, земледелия, торговли и культуры Согда“.⁶³

Как известно, история Согда в раннем средневековье хорошо освещена письменными источниками. Если о Средней Азии до VII в. мы имеем лишь отрывочные данные западных и восточных авторов, то для второй его половины и VIII в. картина уже совершенно иная, что удивительно. После падения сасанидского государства в Средней Азии с новой силой столкнулись интересы западных и восточных могущественных держав того времени, в том числе тюркского каганата и его нового и сильного соперника в Средней Азии — арабов, чьи мемориальные надписи и летописи зафиксировали различные этапы борьбы за среднеазиатский рынок, главной ареной которой почти на всем ее протяжении оставалось согдийское государство. Сопоставление известий разноязычных источников позволило исследователям нарисовать в общих чертах картину политической жизни края, но источники далеко не исчерпаны в этом отношении. Достаточно напомнить, что до настоящего времени у нас нет сколько-нибудь полной сводки известий о среднеазиатских династиях, о государях и наместниках — нет синхронных хронологических их таблиц. Более того, имена и даты среднеазиатских правителей представляют до сих пор много спорного и неясного. Эту лакуну в научной

⁶² История таджикского народа, т. II, кн. 1, стр. 55.

⁶³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 161.

разработке раннесредневековой истории Средней Азии необходимо заполнить в первую очередь. Далеко не исчерпаны источники и в других отношениях. Между тем подборка их известий, нет сомнений, поможет воссоздать красочную бытовую картину эпохи. Большинство этих источников хорошо известно, поэтому нет нужды давать им развернутую характеристику.

Для VII в. — периода, предшествующего арабскому завоеванию Средней Азии, нашими главными источниками являются хорошо известные хроники китайских династий и мемуары буддийских монахов, первые из которых содержат специальные разделы, посвященные иноземным государствам, в том числе и среднеазиатским.⁶⁴ Основывающиеся друг на друге и не раз перерабатывавшие сведения, династийные хроники скупно и односторонне, по определенной схеме, рисуют жизнь края, хотя и затрагивают многие ее стороны, тогда как у мемуаров есть все преимущества первоисточника — свидетельства очевидцев. Из них для раннего средневековья немалое значение имеют записки известного буддийского монаха, оставившего своим читателям достаточно отчетливую картину состояния края во второй четверти VII в.⁶⁵ Не менее важны записки другого монаха, проехавшего в 729 г. на обратном пути из Индии в Китай через Тохаристан, Памир и Вахан. Несмотря на краткость, записки последнего, как это было уже отмечено в печати, представляют значительный интерес,⁶⁶ их автор попутно сообщает нам свои наблюдения о быте и нравах местного населения. По его словам, среднеазиатские владения имели каждое своего владельца, в то время уже подчинявшегося арабам. В Фергане царь ее южных владений признавал власть арабов, северных — подчинялся еще тюркам. В важности такого сообщения из уст живого свидетеля событий тех лет сомневаться не приходится. Тот же монах — единственный автор, сообщающий нам о широком производстве (товарном) хлопчатобумажных тканей в Согде, Усрушане, Фергане, Бамияне и Балхе, тогда как Вахан, по его сведениям, производил шелк и шелком же выплачивал арабам дань (3000 вьюков ежегодно). Переводы частей хроник, касающихся Средней Азии, даны Н. Я. Бичуриным еще в начале XVIII в. и позже Э. Шаванном. В 1958 г. опубликован свод известий о восточных тюрках, содержащий немало сведений об иранских народах (народах ху), населявших Среднюю Азию

⁶⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I и II. Л., 1950 (переиздание); Ed. Chavanes. Documents sur les tou-kie (turcs) occidentaux.

⁶⁵ St. Julien. Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen-thsang, vol. I—II. Paris, 1857; S. Beal. Si-yu-ki. Buddhist record of the Western World, v. I—II, London, 1884.

⁶⁶ W. Fuchs. Huei-chao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien. SPAW, 1938, S. 444—445. О них см.: А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Душанбе, 1957, стр. 121—124; А. Н. Бернштам. Тюрки и Средняя Азия в описаниях Хой-Чао (726 г.). ВДИ, 1952, № 1, стр. 175—195.

и обшавшихся с тюрками, известия о согдийских колониях и их населении.⁶⁷

Значение немногочисленных древнетюркских памятников четко показано в книге С. Г. Кляшторного.⁶⁸ Недостаточно изучены работы византийских и армянских авторов, на что неоднократно обращала внимание Н. В. Пигулевская, систематически вводящая в науку их сведения об Иране и Средней Азии. Теперь настало время подготовить сводки известий этих авторов о Средней Азии.

Основными нашими источниками по истории Согда в период арабских завоеваний (вторая половина VII—первая половина VIII в.) до последнего времени оставались сочинения арабских историков и географов, их персидские версии, представленные дополненными и сокращенными переработками арабских оригиналов, появившимися „по требованию читателей“⁶⁹ в середине IX в. Большинство последних дошло до нас в позднейших редакциях, что естественно затрудняет их использование. Отработанная методика не в достаточной мере учитывает историю сложения этих памятников, в дошедшем до нас виде зачастую далеко отстоящих от своих оригиналов. Между тем история сочинения имеет первостепенное значение для его использования, определяет методику — подход к памятнику — и задачи, стоящие перед исследователями его текста.

Для истории Согда этого периода источником первостепенного значения продолжает оставаться многотомная летописная всемирная история арабского историка Табари (ум. 310/923 г.),⁷⁰ доведенная ее автором до 302 г. х., до сих пор являющаяся неисчерпанным источником сведений, представляющим читателю мастерски подобранные в определенной системе погодные сводки известий об арабских завоеваниях в Средней Азии. Историк скрупулезно отмечает свои источники (письменные и устные), часть которых восходит почти ко времени описываемых в них событий. Но и этот блестящий автор-компилятор рисует в основном внешнюю историю края и даже не столько историю страны, сколько историю ее завоевания арабами, тогда как внутренняя жизнь края остается в тени. Но вместе с тем эта летопись содержит множество до сих пор не использованных фактов, кажущихся на первый взгляд мелкими, но дающих особенно много для характеристики взаимоотношений, складывающихся между местным населением и завоевателями, рисующих быт этого населения.

⁶⁷ Liu Mau-t sai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), I—II. Wiesbaden, 1958 (Göttingen Asiatische Forschungen, Bd. 10).

⁶⁸ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

⁶⁹ Ср.: Mohammed Nerschakhy. Description topographique et historique de Boukhara, publiée par Ch. Chefer. Paris, 1892, p. 1: چون بیشتر مردم بخواندن کتاب عربی رغبت نمایند دوستان از من درخواست کردند که این کتاب را پیارسی ترجمه کن.

⁷⁰ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. I. Goeje, Lugduni-Batavorum, 1879—1901, Ser. I—III (13 томов, I том — глоссарии и дополнения, I том — указатели).

Разная степень достоверности источников Табари является серьезной помехой при использовании его сведений. Известно также, что труд Табари дошел до нас в переработанном виде, о чем свидетельствуют ссылки, имеющиеся в дошедшем до нас тексте летописи, непосредственно на ее автора — на самого Табари, оформленные так же, как его собственные ссылки на Мадаини и другие источники.⁷¹ Несомненный интерес представляют вставки, правда достаточно редкие, в тексте сочинения, сделанные каким-то неизвестным лицом (или лицами), вероятнее всего переписчиками. Эти вставки составляют своего рода примечания, несущие характер пояснений или дополнений к основному тексту, столь характерные для последующих персидских изводов арабских сочинений.

Не менее ценные источники представляют сочинение арабского историка Балазури (ум. в 892 г.) *Китаб ал-футух* („Книга побед“), при всей своей краткости существенно дополняющее известия Табари,⁷² богатая терминология которого еще должным образом не изучена, и труд арабского историка и географа Йакуби (ум. в 897 г.), использовавшего другие источники, чем Табари.⁷³

Сведения этих авторов в значительной мере пополняются „Историей“ Ибн ал-Асира (1160—1234), главным источником которой для первых веков ислама был труд того же Табари. По мнению В. В. Бартольда, на приводимые Ибн ал-Асиром сведения из других остающихся неизвестными нам источников можно вполне положиться.⁷⁴

Новым по существу источником является арабский оригинал сочинения Ахмада Мухаммада ибн А'сама ал-Куфи — современника Балазури и Табари, ранее известного главным образом по сокращенной своей персидской версии. К сожалению, труд ал-Куфи доступен для нас пока только в той небольшой части, которую успел издать турецкий ученый А. Н. Курат, открывший его рукопись в 1936 г. Опубликованные А. Н. Куратом отрывки из книги ал-Куфи, содержащие известия об арабских походах на Среднюю Азию, дают довольно полное представление о ценности этого труда для истории последней. Достаточно сказать, что ее автор приводит арабский текст Самаркандского договора 712 г., который был известен нам в неполном персидском переводе, помещенном в книге Балами.⁷⁵

Что касается персидских источников, то к ним в первую очередь относятся еще недостаточно изученная „Всеобщая история“ Балами,

⁷¹ Например: Табари II, 390, 15; 1437 (قال الطبري); ср. 490, 8; 493, 6; 494, 18.

⁷² *Liber Expugnationis Regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Yahja ibn Djábir al-Beládsori, Lugduni-Batavorum, 1863—1866.*

⁷³ *Ibn Wadhíh qui dicitur al-Ya'qubí, Historiae. Ed. M. Th. Houtsma, Lugduni-Batavorum, vol. I—II, 1883.*

⁷⁴ *Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. I. Tornberg, vol. I—XIV, Lugduni-Batavorum, 1851—1876.*

⁷⁵ А. Н. Курат. *Kuteybe bin Müslim'in Hvarizm ve Samarkandi Zabtí. AÜDTCFD, с. VI, 1948, № 5, SS. 385—430; Abu Muhammed bin A'sam al-Kufi'nin „Kitab al-futuh“u, с. VII, 1949, № 2, SS. 255—282; о договоре см. также: О. И. Смирнова. К истории Самаркандского договора 712 г. КСИВ, XXXVIII, 1960, стр. 69—79.*

составленная в 963 г. и известная под названием „Летописи Табари“, и две дошедшие до нас истории среднеазиатских городов: Бухары — „Летопись Бухары“ (Та'рихи Бухара) и Самарканда — Кандия (Китаб ал-Канд фи та'рихи Самарканд).

„Всеобщая история“ Балами, после того как была обнаружена рукопись „Свода“ Табари, надолго потеряла в глазах исследователей свое значение первоисточника. Труд Балами стал рассматриваться как сокращенный и в общем неудовлетворительный пересказ многотомной истории Табари. Между тем, как теперь установлено, Балами отнюдь не ограничился сокращенным изложением своего оригинала — „Летописи Табари“, но ввел в свое сочинение немало известий первостепенной важности, отсутствующих в его первоисточнике и заимствованных им из других трудов, создав, по сути дела, новое сочинение. Одним из дополнительных его источников, как это сейчас доказано, было сочинение упомянутого выше ал-Куфи, ссылки на которого встречаются в книге Балами. Видимо, у него Балами заимствовал свои дополнительные сведения о Средней Азии, в том числе и текст Самаркандского договора 712 г.⁷⁶ Если к сказанному добавить, что свое сочинение Балами писал, как полагают, ориентируясь на местную среду, а не на арабскую, ценность его рассказов о Средней Азии станет еще очевиднее.

К числу сочинений, отработанных на основе своего арабского оригинала, принадлежит „Летопись Бухары“ — типичный образец одного из жанров географической литературы IX—X вв., истории городов.⁷⁷ Персидский текст истории Бухары в том виде, в котором он до нас дошел, является сочинением, сложившимся к XIV в. из разновременных частей и имеющим лишь отдаленное отношение к своему арабскому оригиналу, судить о котором мы можем только по выдержкам из него у позднейших авторов, главным образом у Сам'ани в Китаб ал-Ансаб („Книге нисб“). Написанная около 933 г. на арабском языке „Летопись Бухары“ составлялась Наршахи на основе классических сочинений Балазури и Табари и даже, как предполагают, оригинала последнего — Мадаани. Наршахи, как и Табари, привлек ряд не дошедших до нас источников,

⁷⁶ Рукописи „Летописи“ Балами сравнительно многочисленны. Однако до сих пор нет полного издания ее текста. Тегеранская публикация ее содержит только часть, касающуюся истории Ирана: تارىخ طبرى محمد بلعمى (قسمت مربوط بايران) با (تأريخ طبرى محمد بلعمى و خواشى باهتمام دكتور محمد جواد متكور، طهران (1959) В предпосылаемом тексту предисловии его составитель специально останавливается на источниках Балами, некоторые из которых ему удалось выявить (pp. 25—26). Полный французский перевод сочинения Балами вышел еще в конце прошлого века: Chronique de Tabari, traduite sur la version persane d'Abou Ali Mohammad Belami par M. H. Zotenberg, vol. I—IV, Paris, 1867—1874.

⁷⁷ Mohammed Nerschakhy. Description topographique et historique de Boukhara; русский перевод: Наршахи. История Бухары. Перевод Н. Лыкошина под редакцией В. В. Бартольда. Ташкент, 1897; английский перевод: Richard N. Frye. The History of Bukhara. Translated from a Persian Abridgment of Arabic Original by Narshakhi, Massachusetts, 1954. Тегеранское издание: بكر محمد تارىخ بخارا ابو بن جعفر النرشخى ترجمه ابو نصر احمد بن محمد بن نصر القباوى بتمصحيح مدرس بن جعفر النرشخى ترجمه ابو نصر احمد بن محمد بن نصر القباوى بتمصحيح مدرس (1938) رضوى، طهران

которые не были использованы последним. И, что особенно для нас существенно, он, будучи местным уроженцем, приводит в своем сочинении немало расспросных сведений и местных легенд, собранных им самим. В XII в. ферганский уроженец Кубави перевел сочинение Наршахи на персидский язык, сократив, но вместе с тем и существенно дополнив его извлечениями из других сочинений, в том числе из двух до нас не дошедших — Хаз'аин ал-улум („Сокровищницы знаний“ Нишапури) и Ахбари Муканна („Известия о Муканне“), автором которых, по словам Кубави, был некий Ибрахим. Выдержки из этих сочинений, приведенные Кубави, говорят об их большой ценности. Именно Нишапури принадлежит древнейшее сказание мусульманских источников о заселении Бухарского оазиса, известия о доисламском бухарском государе Мах и одна из легенд о Сиавуше. В труде Ибрахима, судя по его названию, посвященном так называемому „восстанию Муканны“, мы находим начало письма этого признанного вождя „белоодежников“ (местных сторонников Омейядов), манихейца по религиозной принадлежности и цехового мастера — по социальной, к дикханам Мавераннахра (его воззвания), т. е. часть документа конца VIII в., сохраненного нам источником. Не менее интересны местные легенды и расспросные сведения, собранные Кубави, таким же местным жителем, каким был сам Наршахи. Несмотря на позднейшие редактуры, изменившие и сильно искажившие, но вместе с тем и дополнившие текст Кубави, дошедший до нас вариант истории Бухары все же сохранил часть первоначального текста. Оба автора бухарской летописи — Наршахи и его переводчик и редактор Кубави — последовательно и четко проводят грань между известиями разного времени, старейшие из которых они выделяют словом кадим („древний“), и, как правило, приводят названия источников, из которых их заимствуют. Это обстоятельство позволяет установить старейшие части дошедших до нас редакций истории Бухары и выявить разбросанные по книге сведения, относящиеся к доисламскому времени — кадим и к доисламскому обычному праву — расм.⁷⁸ Арабский оригинал истории Самарканда *Китаб ал-канд фи та'рихи Самарканд* („Книга о сладком в истории Самарканда“) ан-Несефи (ум. в 1142 или 1143 г.) до нас не дошел. Разные его сокращенные переработки в персидском переводе, принадлежащем ученику Несефи Мухаммаду ибн Абд ал-Джалилу ас-Самарканди, известны под названием *Кандийаи Хурд* („Кандия Малая“). Кандия Малая еще дальше отстоит от своего оригинала, чем история Бухары. В первой части, наиболее для нас существенной, она представляет сводку разновременных извлечений из разных источников, известия которых, как правило, в различной степени искажены. Первоначально написанной, видимо по одному плану с Историей Бухары, История Самарканда меньше посчастливилось. При последующих обработках биогра-

⁷⁸ См.: R. N. Frye. *The History of Bukhara...*, Introduction, p. XII—XIII; О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства, стр. 9—12; О. И. Смирнов. История Бухары Наршахи. (К истории сложения текста и о задачах его издания). КСИВ, 69, 1965, стр. 155—179.

фическая часть Истории Бухары оказалась сведенной до минимума, а История Самарканда постепенно превратилась в путеводитель по святым местам. Более того, в одной из позднейших редакций ее историческая часть оказалась вовсе опущенной.⁷⁹ Между тем даже в дошедшем до нас виде эта часть Кандии содержит важные известия (которых нет у других авторов) об арабских завоеваниях, о самом городе, его постройках, о системе орошения. Так, только в ней приводятся известия о доисламской дани Бухары Самарканду, что не было еще отмечено. В ней же сообщается о первом походе арабов на Самарканд при Хузайме. Ценность второй части этого сочинения, содержащей описания мест поклонения, уникального источника по топографии Самарканда и его ближайших окрестностей, известна. Работы, которыми пользовались автор Кандии, а равно и ее позднейшие редакторы, не выявлены, их предстоит установить. Это сделать будет трудно, так как в Кандии в настоящем ее виде, за редким исключением, ссылок на них нет. И все же только в таком случае текст сочинения, точнее, его историческая часть, получит должную оценку. Однако уже сейчас можно сказать, что некоторые свои рассказы Несефи заимствовал у Табари (или непосредственно из источников последнего). Об арабском оригинале Кандии, как и об оригинале Истории Бухары, мы можем судить лишь по выдержкам из него, приведенным Сам'ани. По таким же выдержкам мы можем составить себе известное представление об аналогичных исторических городах Несефа (совр. Карши) и Кеша (совр. Шихриябз), не дошедших до нас ни в арабском оригинале, ни в персидском изводе, равно как и об Истории Самарканда Идриси.

В Национальной библиотеке Парижа хранится арабская рукопись XIV в. — без начала и конца (№ 6284, 75 л.) — неизвестного словаря, типа словаря нисб Сам'ани, содержащего сведения о замечательных людях среднеазиатских городов. Последняя встречающаяся в нем дата — 600 г. х. (1213/14 г. н. э.), следовательно, это сочинение (дошедшая до нас его версия) должно быть отнесено не ранее чем к XIII в. О принадлежности этого труда были высказаны разные соображения, в частности и то, что парижская рукопись является остатками арабского оригинала Истории Самарканда или Истории Несефа. По мнению Р. Н. Фрая, занимавшегося этой рукописью, она представляет остатки неизвестного нам компилятивного толкового словаря, алфавитный порядок которого, согласно его наблюдениям, был нарушен, вероятно, позднейшими редактурами. О ценности словаря можно составить ясное представление по выдержкам из него, приведенным Р. Н. Фраем. В них упоминаются хорошо известные нам по Книге нисб Сам'ани среднеазиатские историки Мустагфири и Идриси, приводятся генеалогии правителей Самарканда, начиная от царя Гурека, который именуется „царем (малик) Самарканда во (времена) Неверия и Ислама“ (فى الجاهلية و الاسلام), и царей

⁷⁹ قندیة خرد (در بیان مزارات سمرقند) بکوششی ایراج افشار، طهران (1955)

Русский перевод другой ее редакции: Кандия Малая. Перевод В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1908, стр. 236—290.

Мерва от современника последнего Сасанида Йаздигарда Махуйа, а также генеалогия Саманидов. К сожалению, столь интересный и многообещающий источник остается пока недоступным.⁸⁰ Сочинения арабских географов Истахри, Ибн Хаукаля, Мукаддаси, Ибн Хордадбеха и других,⁸¹ персидский извод одного из них — Истахри — не менее известны. Кроме богатейшего и еще не исчерпывающе использованного материала по топонимике Согда, они содержат сведения об орошении края, его каналах, стоящих на них мельницах, по экономике и социальным отношениям в Средней Азии. Что касается встречающихся в них терминов, то такие еще мало исследованы, впрочем, как и встречающиеся в других мусульманских сочинениях того времени. Для раскрытия последних особенно много дает персидский перевод (извод) книги Истахри, сравнение которого с оригиналом позволяет установить адекватность ряда персидских и арабских терминов. Персидская версия Истахри, хотя и относится к значительно более позднему времени (XV в.), особенно ценна тем, что неизвестный автор или позднейшие редакторы дополнили ее новыми сведениями и снабдили своеобразными комментариями, которые раскрывают содержание арабского текста.

Особенного внимания заслуживают сохраненные нам повествовательными источниками документы, тексты или переводы которых частично или полностью цитируются составителями историй при изложении соответствующих событий. К таким документам принадлежат известные китайские переводы писем среднеазиатских владетелей. Не менее ценны среднеазиатские договоры местных владетелей с арабами первой четверти VIII в. и их переводы в сочинениях Балазури, ал-Куфи, Балами и др. Эти договоры, заключаемые арабами с местным населением и фиксирующие обязательства последнего по отношению к завоевателям, дают богатый материал для суждения об экономических ресурсах Согда. К сожалению, ни один из договоров в оригинале до нас не дошел. К этим документам из вторых рук теперь добавились новые, важность которых трудно переоценить — первые подлинные документы, обнаруженные на территории собственно Согда. Я имею в виду документы с горы Муг конца VII в. — первой четверти VIII в., согдийские и другие монеты раннего средневековья. Однако ни те, ни другие не могут целиком восполнить отсутствия местных нарративных источников (хроник), которые в свое время несомненно существовали.

Мугские документы составляют блестящее собрание из 77 согдийских документов и найденных вместе с ними тюркского (рунического), арабского и одного документа на китайском языке. Мугское собрание в том виде, в котором оно до нас дошло, представляет остатки нескольких архивов. Среди них первое место по количеству документов и по их значению принадлежит архиву пенджикентского дикхана Деваштича

⁸⁰ Richard N. Frye. *City Chronicles of Central Asia and Khurasan. A History of Nasaf? Fuad köprülü nın ilmi nesriyat. Fuad köprülü Armaçani (Mélanges Fuad Köprülü)*. Istanbul, 1953, s. 165.

⁸¹ *Bibliotheca Geographorum arabicorum*, ed. M. Y. de Goeje, I—VIII, Lugduni—Batavorum, 1870—1874.

(708?—722 гг.), который не менее двух лет носил титул царя Согда. Второе — архиву пармандара, „управителя“ („державшего [тех], кто в доме“ — $\text{pr}m'p + \delta'r$), т. е. одного из высших придворных чинов в местной иерархии, должность которого занималась лицом княжеской фамилии. Кто был пармандаром Пенджикента в первой четверти VIII в., предстоит установить. Остальные архивы представлены единичными документами и принадлежат владетельным дикханам Хахсара, Кштута и другим. Состав мугской коллекции по содержанию документов оказался разнообразным: переписка дикхан и их людей между собой и с арабами, хозяйственные документы (учетные записи, расписки, докладные распоряжения), юридические документы (купчая, арендный договор, брачный контракт).⁸² По времени документы архива охватывают сравнительно небольшой период, ограниченный рамками первой четверти VIII в. Но именно это время — время завоевательных походов военачальника арабов Кутайбы в глубь страны — определило по сути дела арабскую политику в Согде. Письма согдийских князей и письма к ним представляют источник первостепенной важности для характеристики крайне напряженной обстановки в крае. Общий хозяйственный упадок в стране, голод и разруха нашли свое отражение в этих письмах. По тем же письмам мы можем составить себе правильное представление о взаимоотношениях согдийцев с завоевателями, и, как всегда, известия Табари находят себе подтверждение. Одно из главных мест в этой переписке занимают два письма — письмо Деваштича к арабскому наместнику, написанное на арабском языке (единственный арабский документ собрания), и письмо арабского эмира Абдурахмана сына Субха к Деваштичу — на согдийском. Оба письма написаны каллиграфически, арабское — куфическим крупным курсивом, согдийское — развитым согдийским полукурсивом самаркандского пошиба. Очевидно, что при арабских канцеляриях уже имелись согдийские писцы, а при согдийских — арабские. Судя по почерку (как арабскому, так и согдийскому) этих писем, трудно себе представить, что сами арабы и согдийцы смогли уже настолько овладеть чужой письменностью. Письма оформлены в соответствии со своим назначением: арабское, обращенное к эмиру ал-Джаррау, начинается с традиционной басмалы „Во имя Аллаха“, согдийское — к Деваштичу — словами „Во имя Бога“, по-видимому калькой с персидского (сасанидского), т. е. уже привычного арабам обращения; во всяком случае ни в одном из известных нам согдийских писем, в том

⁸² Мугское собрание документов хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Согдийские документы собрания изданы в трех выпусках под общим названием „Согдийские документы с горы Муг“: вып. I — А. А. Фрейман. Описание, публикация и исследования документов с горы Муг. М., 1962; вып. II — Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962; вып. III — Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963. Издание сопровождается факсимильной публикацией документов: фотоальбом „Документы с горы Муг — Корпус ираноязычных надписей, ч. II, Надписи селевкидского и парфянского периодов и надписи Восточного Ирана и Средней Азии“, М., 1963.

числе в тех же мугских, таковое не встречается. Письмо Деваштича относится к 719 г.; письмо арабского эмира Абдуррахмана к Деваштичу могло быть написано в 709—711 гг. или позже 719—720 гг. Блестящий анализ первого из этих двух писем принадлежит В. А. Крачковской и И. Ю. Крачковскому.⁸³ Письмо Абдуррахмана к Деваштичу не представило особых затруднений при дешифровке, за исключением отдельных мест (строки 10—11 и 16).⁸⁴ Кто был отправителем письма, удалось установить почти сразу. В тех же мугских документах, хозяйственных и других, упоминается несколько раз некий γ туг или γ т'уг (документ В 6^v, А 6 и Nov. 1). Полагали, что это слово является собственным именем, заимствованным в согдийском. М. Н. Боголюбов узнал в слове γ туг мугских документов согдийскую закономерную передачу арабского أمير — „эмир“ (ср. хорезмийское xmir). Прочтя вторую (собственно первую) строку письма — MN γ туг "βtrγwm'n pwn swpγ 't sγwduk MLK' sm'rkndc MR'Y dyw'stuc — „От эмира "βtrγwm'n pwn swpγ согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу“, автор настоящей статьи обратился к основному нашему источнику по среднеазиатским походам арабов — к Табари, в указателе к которому и обнаружил соответствующее имя عبد الرحمن بن صبح — „Абд ар-Рахман, сын Субха“. Когда же оказалось, что это лицо не кто иной, как арабский эмир, принимавший непосредственное участие в походе арабов на Кеш в 720 г., предположение превратилось в уверенность. Тождество согдийского "βtrγwm'n pwn swpγ арабскому эмиру Абд ар-Рахману, сыну Субха, возглавлявшему поход на Кеш, было установлено. Содержание письма эмира важно и для решения давно занимающего исследователей вопроса о том, в какие именно годы Деваштич был царем Согда; не менее оно важно и для характеристики политики последнего, так как из письма арабского эмира прежде всего следует, что Деваштич был признанным арабами царем (MLK') Согда и даже их ставленником. Авторы остальных писем, обнаруженных в крепостце на горе Муг, были, как и Деваштич, не только свидетелями тех событий, о которых они писали, но и активными их участниками.

Письма изданы, некоторые из них дважды и трижды. Теперь перед исследователями стоит очередная задача вновь их изучить, уточнить дешифровки текстов и пересмотреть переводы. Так, например, остается непонятным содержание письма А 9. Вряд ли в первых его строках речь идет, как то предполагалось, о брахманах. Слово kōf'nth в первой строке этого письма (в переводе издателя „кучинцы“) должно быть по смыслу именем собственным или названием места; возможно, это согдийский вариант названия города Ходженда (арабской графикой خجندة), последнего убежища согдийцев, ухидивших в 721 г. от арабов

⁸³ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии, стр. 52—90.

⁸⁴ Издание документа см.: М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова. Согдийские документы 1.1 и 36, А 14 Мугской коллекции. Вестн. ЛГУ, № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, Л., 1963, стр. 113—116; Согдийские документы с горы Муг, вып. II, Юридические документы и письма, стр. 108—112.

в Фергану и перебитых там последними. В таком случае в первых строках письма А 9 речь пойдет отнюдь не о массовом переходе местного населения в „брахманскую веру“.⁸⁵

Необходимо также попытаться восстановить последовательность (во времени) писем и увязать их между собой, что до сих пор не сделано.⁸⁶ Только при таком условии можно будет установить действительное содержание писем и отождествить лица, имена которых в документах встречаются. Так, письмо А 9 написано „домоправителем“ (rspn) Деваштича, т. е. тем лицом, на которое ссылается в своем письме к Деваштичу партанский (?) дикхан Ривахшйан (документ Nov. 2, строки 10—11). Отметим, что имени Афарун в мугских документах нет, следовательно, нет писем ни к нему, ни от него.⁸⁷ Время переписки в целом определяется письмом Деваштича к наместнику Джарраку и письмом арабского эмира Абдуррахмана к Деваштичу.

Мугские документы в силу своего разнообразия являются уникальным источником не только для уточнения ряда моментов политической истории Согда, но и для суждения о других сторонах его жизни. Так, хозяйственные документы позволяют впервые составить себе реальное представление о социально-экономической жизни Согда, его хозяйстве, административном устройстве, канцелярских формах учета, т. е. о той стороне внутренней жизни края, с которой мы были едва знакомы. Кроме того, именно в хозяйственных документах оказался зафиксированным ряд терминов, в том числе социального порядка, значение которых не удавалось до сих пор установить. Как и письма, отдельные хозяйственные (Б 16, В 9, Nov. 6) и юридические (Nov. 3 и 4) документы требуют пересмотра в части дешифровки и в переводах. Некоторые уточнения внесли в чтение и интерпретацию мугских документов И. Гершевич и В. Хеннинг.⁸⁸

Наконец, мугские документы явились тем источником, на основании которого автору настоящей работы удалось частично восстановить топонимику верховий Зеравшана и тем самым заполнить одно из белых пятен на карте раннесредневековой Средней Азии.⁸⁹

Открытые в Дунхуане экспедицией А. Штейна „Старые письма“ (IV в.) — единственные, кроме мугских документов, памятники живой речи согдийцев, ценные своими сведениями о торговле согдийцев пред-

⁸⁵ Согдийские документы с горы Муг, вып. II, стр. 98—100. Возможно, что интересующее нас слово является согдийской передачей имени и титула одного из ваханских князьков первой половины VIII в. (kω+ē'nth).

⁸⁶ Письма систематизированы по чисто формальному признаку — по имени их адресатов.

⁸⁷ Согдийские документы с горы Муг, вып. II, стр. 115—185.

⁸⁸ I. Gershevitch. The Sogdian Word for „Advice“ and Some Mur Documents. CAJ, v. VII, n. 2, 1962, pp. 83—95; W. B. Henning. A Sogdian God. BSOS, v. XXVIII, part 2, 1965, pp. 246—248.

⁸⁹ О. И. Смирнова. 1) Карта верховьев Зеравшана по мугским документам. XXV Международный конгресс востоковедов, Доклады делегации СССР, М., 1960; 2) Карта верховьев Зеравшана I четверти VIII в. Страны и народы Востока, География, этнография и история, вып. III, М., 1961, стр. 220—230.

шествующего периода. Не менее ценны эти письма и для суждения о социальном составе согдийских колоний, в частности о таких категориях их населения, как азаты и азатпидраки (представители младших линий благородных родов).

Для исследования согдийской социальной терминологии раннего средневековья немалое значение имеют переводные согдийские тексты разного времени и разного содержания (буддийские, манихейские и христианские). Многие материалы наших оригинальных текстов подтверждают, что та лексика, которая в них отражена, была для согдийского языка соответствующего времени живой.

Все большее значение приобретает эпиграфика.

Обнаруженные в Согде надписи на внутренних стенах храмовых зданий и домов знати, кроме новооткрытых самаркандских, к сожалению, оказались настолько плохой сохранности, что прочесть их вряд ли удастся. Эти надписи обычно нанесены тушью рядом с изображениями (картинами) или непосредственно на самих изображениях (например, на одежде, руках) и служат своеобразными подписями, комментирующими содержание росписей, убедительным доказательством чему являются надписи, сопровождающие афрасиабские росписи, открытые в последние годы. Почти все они (около десяти) на согдийском языке и выполнены согдийским полукурсивным письмом, но письмом разновременным, позволяющим дать хотя бы относительную датировку отдельным росписям. Горизонтальное и вертикальное расположение настенных надписей подтверждает до сих пор представлявшиеся противоречивыми известия летописей, одни из которых сообщают, что согдийцы „пишут поперек“, другие — об их вертикальном письме.

Весной 1965 г. перед глазами археологов раскрылись стены роскошного жилого здания с росписями, лучше всего сохранившимися в главном зале (11×11 м). Южную стену этого зала занимает композиция, в которой, по мнению В. А. Шишкина, вероятно „изображено свадебное путешествие. На западной стене — посольство, на восточной — сине волны, рыбы и черепахи“.⁹⁰ Роспись на западной стене сопровождается большой согдийской надписью (хорошо сохранившейся) из 16 строк и второй (две строки плохой сохранности), по мнению В. А. Лившица, — эфталитской. Согласно заключению В. А. Лившица, исследовавшего эти надписи, 16 строк согдийского текста рассказывают „о прибытии в Самарканд к самаркандскому царю (имя не указано) посла Пуржжатака — начальника канцелярии чаганианского правителя Туранташа... , этот посол выступает в качестве представителя хуннского (?) царя Вархумана“,⁹¹ имя которого в тексте надписи написано с началь-

⁹⁰ В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры, стр. 12—22.

⁹¹ В. А. Лившиц. Надписи на фресках из Афрасиаба. Тезисы докладов сессии, посвящ. истории живописи стран Азии, Л., 1965 (ноябрь), стр. 5—6. Перевод текста: В. А. Лившиц. Согдиана. Газ. „Ленинский путь“, 6 июля 1965 г.; перевод цитирован: Ю. Н. Алексеев. Самарканд. Страницы истории. Ташкент, 1967, стр. 41. Издание текста: R. N. Frye. The Significance of Greek and Kushan Archeology in the History of Central Asia. JCSA, v. I, part 1, Wiesbaden, 1967, p. 36 (текст сопровождается переводом).

ным протетическим гласным $\beta\gamma\omega\pi'n$ — „Авархуман“. Однако надо думать, что в надписи идет речь не о хуннском царе, а об известном самаркандском царе Вархумане (конец 50-х—60-е годы VII в.), имя которого именно в этой форме ($\beta\gamma\omega\pi'n$) прочтено автором настоящей статьи на уникальной согдийской монете, или об одноименном его предшественнике. В таком случае определение самаркандского царя в надписи как „хуннского“, т. е. царя гуннов, заслуживает внимания, если слово прочтено и интерпретировано издателем документа правильно.

К числу ценнейших согдийских памятников относятся наскальные надписи, правда пока единичные. Одна из них, состоящая всего из одного слова ($\beta'tm$ — „свет“), обнаружена в южном Таджикистане рядом с выбитым на скале несторианским крестом (М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова). Наскальные согдийские надписи сохранились также в Киргизии, в частности в Терек-сайском ущелье.⁹²

За последнее время исследователям удалось зарегистрировать и частично издать небольшую коллекцию надписей на сосудах, перстнях, печатях. Среди первых особого внимания заслуживают так называемые уйгурские надписи коллекции Фрунзенского музея, определенные английским тюркологом сэром Дж. Клоусоном как согдийские, изучить которые предстоит. Интереснейшей из них является надпись на корчаге.⁹³ Надпись выполнена каллиграфически, тюркским вариантом восточносогдийского письма с дополнительными знаками, свойственными, в частности, согдо-тюркскому письму Ферганы. Надпись идет по венчику сосуда в две концентрические строки, в первой из которых (по внутреннему кругу) легко читается по фотографии (вид сверху) эпитет тюркских и уйгурских владык: $MN \beta\gamma\omega\pi'sty$ (на хуме $\beta\gamma\omega\pi'su$) $prn \beta\gamma rty$ — „получивший от Небес благодать“, ⁹⁴ за которым следуют имя, согдийский широко распространенный титул и два(?) других слова, прочесть и истолковать которые пока не удалось: $'I\pi rylk' \gamma\omega\beta\omega \gamma\pi r. . . . \gamma\gamma'k$ — „Алп Билга хваб. $\gamma\gamma'k$ “.

Что касается печатей, то их исследователи положили начало новой отрасли согдианистики — сфрагистике. Больше всего уделялось внимания глиняной печати, которой скреплен арендный договор на мельницы из мугского собрания (документ В 4).⁹⁵ Три глиняные вислые печати

⁹² Памятники орхоно-енисейской письменности в Киргизии. Эпиграфика Киргизии, вып. I. Составил Ч. Джумагулов. Фрунзе, 1963, стр. 41, рис. 24.

⁹³ Там же, рис. 21 и 22. Чтение и интерпретацию надписи 22 как уйгурской см.: Народы Азии и Африки, 1964, № 1, стр. 46 и сл.

⁹⁴ Ср. эпистолярное обращение в письме из Ферганы, текст которого издан Райхалтом (письмо XI): $MN \beta\gamma\omega\pi'sty prn \beta\gamma rty prn\gamma rnty \gamma\omega\beta\omega \gamma\gamma\beta'k$ — „От Небес получивший благодать, великолепный, славный, мудрый . . .“ (H. Reichelt. Die sogdischen Handschriftenreste, II, стр. 61 (XI)); сравни также согдийский текст Кара-балгасунской надписи: $MN p\gamma\omega\pi'sty prn\beta\gamma rty$ — „От небес получивший благодать“, перевод тюркского $t\ddot{a}nrid\ddot{a} qut bulmi\ddot{s}$; неизданный текст Британского музея, начало которого $MN \beta\gamma\omega\pi'sty prn \beta\gamma rty prn\beta\gamma rty$ — „От Небес наделенный благодатью, получивший благодать“ (JSFOU, XLIV (1930) — O. Hansen. Zur sogdischen Inschrift, S. 15 (2)).

⁹⁵ Г. Р. Гиришман считает, что надпись выполнена тохаро-эфталитским письмом и содержит имя эфталитского князя. См.: R. Ghirshman. Les Chionites-hephta-

с изображением слона и согдийской надписью обнаружены Л. Р. Кызласовым при раскопках городища Ак-Бешим в северной Киргизии.⁹⁶ В 1961 г. только на одном Пенджикентском городище обнаружено свыше сорока глиняных печатей, каких — неизвестно.⁹⁷ Большое значение для изучения согдийской метрологии, неизвестной нам до сих пор, имеют найденные на Пенджикентском городище и Афрасиабе округлые каменные гири, на некоторых из которых имеются насечки (счет весовых единиц), цифры и надписи. Значение насечек установлено Б. И. Маршаком и Е. А. Давидович. Им же принадлежит первая попытка установить вес согдийского динара.⁹⁸ Надпись на одной из гирь (не издана) гласит: 3 3 p't 17 rty kmpy — „3+3 раза 17 и немного“. Вес гири 950 г, следовательно, единица веса, название которой опущено в надписи, равняется 9.3 г без малого (или с небольшим), представляя вес одной из согдийских единиц мер, а сама гиря — эталон единицы меры веса, равной 10 таким единицам, надо думать 10 динарам.

Другим важнейшим новым источником по истории Согда в последнее время становятся нумизматические материалы раннего средневековья, в первую очередь согдийские бронзовые монеты, богатейшее собрание которых представлено коллекцией монет с Пенджикентского городища. Их изучение положило основу зародившейся и разрабатываемой в нашей стране отрасли нумизматики — согдийской. Второе место занимает собрание Самаркандского краеведческого музея. Третье и четвертое — принадлежит собраниям Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа и Ташкентского музея истории Узбекистана. Каталог собрания домусульманских монет, происходящих с Афрасиабского городища, подготавливается ташкентским молодым нумизматом Т. Ерназаровой.

Общее число согдийских монет (с учетом экземпляров, находящихся в собраниях СССР и за рубежом) составляет сейчас более двух тысяч, цифра просто колоссальная, если учесть, что к концу тридцатых годов их было известно не более трех десятков. За последнее время находки согдийской бронзы на территории древней Согдианы регистрируются почти повсеместно. Тщательная фиксация позволяет локализовать разные типы монет. Колонизаторская деятельность согдийцев известна. Согдийский язык и письменность распространялись в свое время далеко за пределами не только самого Согда, но и Средней Азии, особенно на восток.

lites par . . . — MDAFA, t. XIII, Le Caire, 1948, p. 59; А. А. Фрейман и В. А. Лившиц установили ее согдийскую принадлежность. Первый прочел в ней имя trγ'ωn и увидел в нем вариант тюркского титула trγ'n (Проблемы востоковедения, 1960, № 3, стр. 212—214), второй читает rγ'nḥ — „знак“ в смысле „печать“ (Согдийские документы с горы Муг, вып. II, стр. 54—55). Ни одно из этих трех чтений считать удовлетворительным не приходится.

⁹⁶ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Труды Киргизской арх.-этнограф. экспедиции, М., 1959, рис. 22.

⁹⁷ Упоминание о них см.: Согдийские документы с горы Муг, вып. II, стр. 63, прим. 39.

⁹⁸ Е. А. Давидович и Б. И. Маршак. Уникальная гиря VI—VIII вв. из Пенджикента. Краткие сообщения, вып. XXX, стр. 81—87.

Под названием согдийских стали известны монеты, согдийские надписи на которых выполнены согдийским письмом разного времени, сложившимся в Восточном Согде — письмом Старых писем, согдо-буддийских текстов, мугских документов и настенных надписей, ставшим в VII в. официальным письмом государства согдийских ихшидов. К числу согдийских монет равно относятся монеты анэпиграфные, с такими же, как на монетах с согдийскими надписями, знаками и эмблемами. Исследование установило, что тюрки, как и согдийцы, выпускали свою бронзовую монету с согдийскими надписями и были втянуты в денежную торговлю с Согдом, с одной стороны, со странами Востока, — с другой, одновременно пользуясь в качестве платежной единицы шелком (средняя стоимость куска 25 драхм). Таким образом, в число согдийских монет на данном этапе их исследования оказались включенными монеты тюркешей (twrkyš 𐰽𐰺𐰍) и монеты круга тюркешских, выпускавшиеся тухусскими и другими вассалами тюркешей, а также монеты ферганских тюрков; вместе с тем для тюркских монет уже характерен свой собственный вариант восточносогдийского письма, легшего в основу уйгурского, что позволяет их теперь выделить из общего числа собственно согдийских монет. Монеты с согдийскими дополнительными надписями, выпускавшиеся за пределами Согда (например, хорезмийские), стоят особняком и к числу согдийских отнесены быть не могут.

На первом этапе исследования согдийские монеты особенно много дали для политической истории Согда. На основе их данных — с учетом других источников — удалось восстановить имена представителей правящей династии самаркандских ихшидов, их последовательность, уточнить политическую карту Согда.

Особенно важны согдийские монеты как источник по экономике Согда, главным образом внутренней, вопросы которой почти не разрабатывались из-за отсутствия данных. Исследование показало, что бронзовые монеты раскрывают внутреннюю жизнь страны несравненно более полно, чем серебряные, позволяют проследить внутренние экономические связи Согда, связи между отдельными владениями. К тому же бронзовая монета, как это теперь можно считать доказанным, имела в Согде свою самостоятельную линию развития; она в значительно большей мере, чем серебро, являлась продуктом местного творчества, в котором нашли свое отражение разные ступени развития согдийского местного изобразительного искусства и локальные варианты согдийской письменности Самарканда, Пенджикента, Усрушана, Чача. Ход развития надписей, обозначающих выпускавшую монету власть, также был самостоятельным. Все это определяет значение бронзовых монет как нового источника по истории местной культуры (культов и искусства) и культурным связям со странами Запада и Востока. Наконец, нельзя не отметить значения новых нумизматических материалов и как памятника согдийского языка.

Внутренняя история Согда — тема большая, сложная, еще не поставленная во всем своем объеме. Между тем для ее разработки сейчас имеются все необходимые предпосылки. Конечно, ставить себе целью сразу охватить все вопросы, связанные с этой проблемой, нельзя. Но

последовательное исследование их на конкретном материале необходимо и возможно. Каков был характер Согдийского государства, образовавшегося к середине VII в., какие обстоятельства вызвали к жизни это государство, его внутренняя экономика, социальное расслоение, основные категории податного сословия и согдийской знати — все эти вопросы требуют скорейшей разработки. Так, специального исследования требует термин азат — „свободный, благородный“ и его производные; изучение термина должно идти в двух аспектах: как термина, обозначающего категорию знати, и как термина социальной градации вообще. Необходимо показать на конкретном материале экономическую основу господства землевладельческой знати — дихкан и выявить основные источники доходов дихкан. Естественно, что тут же встает вопрос о видах собственности на землю в Согде, о согдийской общине (п'β-), в состав которой входили „люди дома“ 'родовичи' (pḡm'n) и „чужие“ (γω'mk), не принадлежащие к „дому“, 'гости'. К сожалению, гораздо меньше сведений филолог сможет собрать о сельскохозяйственном населении, его положении, расслоении. Мы не хотим сказать, что эти вопросы не разрабатывались вообще, но совершенно очевидно, что значительная часть известий источников, в частности о кадиварах, вопрос о которых ставился исследователями неоднократно, не была до сих пор использована в работах, посвященных теме.

В области конкретной экономики наиболее существенны данные источников, позволяющие восстановить картину внутренней торговли Согда, охарактеризовать его рынки, денежное обращение, о которых мы до недавнего времени имели крайне слабое представление. Их исследование приводит к выводу о высокой для того времени развитости товарно-денежных отношений, проникших уже глубоко и в сельское хозяйство, — к выводу, весьма существенному для суждения о состоянии экономики края. Не может быть сомнения в том, что арабы в свое время пришли в страну экономически отнюдь не отставую.

Совершенно очевидно, что предстоит дальнейшая разработка политической истории страны, раскрытие которой в основном ляжет теперь на филолога. В первую очередь надо разработать хронологию среднеазиатских династий, начало изучению которых положили работы Томашека, Захау, Маркварта и др., составить синхронные хронологические их таблицы, среди которых займет свое место хронологическая таблица ихшидов Согда VII—VIII вв. В свете новых материалов (мугских документов, эпиграфических памятников) желательно пересмотреть хронику арабских завоеваний, установить основные этапы их истории, взаимоотношения согдийцев с арабами и тюрками на разных этапах. Нет сомнения, что первый из них завершил Самаркандский договор 712 г., которым Согд в лице своего ихшида Гурека юридически и фактически признал вассальную зависимость от халифата; концом второго явилось восстание 719—722 гг., связанное с именем согдийского царя Деваштича, ставленника арабов, восставшего против них в 719—720 гг., — первая попытка согдийцев освободить себя от арабского владычества, положившая начало новому этапу борьбы согдийцев против арабов уже не как завое-

вателей, а как поработителей. Наконец, необходимо показать на конкретном материале те изменения в жизни страны, которые были вызваны вторжением арабов, в первую очередь в ее экономике и денежном обращении, что теперь не представит трудности сделать благодаря нашим новым источникам, исследование которых уже привело к ряду существенных выводов.

В начале второй половины VIII в., видимо, вскоре после битвы при Таласе, Согд, как и вся Средняя Азия, включается в систему денежного обращения халифата. Первоначально арабы здесь, как в Иране и в Закавказье, не нарушают местной монетной системы. Арабские наместники начинают свое вмешательство с выпуска от своего имени серебряной монеты по образцу местной. Первые дирхемы, выпущенные от имени арабских наместников в Согде, принадлежат Абу Дауду Халиду (752—755 г.). С этого времени право чеканки серебра переходит в руки Аббасидов. Согдийские ихшиды, преемники царя Тургара, своих имен на серебре больше не помещают. Когда Средняя Азия, в частности Согд, начала чеканить свою серебряную монету по образцу арабской, мы не знаем; не знаем также, какова была роль в местном денежном обращении проникавшего в страну вместе с арабами сперва омейядского, а позже аббасидского серебра. Первый известный нам дирхем, отчеканенный в Самарканде, имеет дату 150(767) г. х. Возможно, первые дирхемы были чеканены при Мансуре.

Середина VIII в. — один из интереснейших периодов в денежном обращении Средней Азии. Особенно показательна в этом отношении бронзовая монета. Именно на ней оказались зафиксированными денежные затруднения 50-х годов, вызванные хозяйственной разрухой, царившей в стране, и новыми складывающимися взаимоотношениями с завоевателями в сложный период начала аббасидского правления. Сильнейшие согдийские владетели, ставшие данниками халифата, переходят к выпуску бронзовых монет по образцу монет своего сюзерена и принимают новое для Согда и для Средней Азии в целом название монетной единицы — фельс. В начале тех же 50-х годов в Средней Азии и в Хорасане арабами устанавливается принудительный единый курс дирхема (1 дирхем = 60 фельсам); фельс утверждается в качестве платежной единицы наравне с серебром по указанному курсу. Для Бухары того же времени известны местные фельсы в 1/120 дирхема. Для более раннего времени у нас сведений нет. Систематический выпуск в крае среднеазиатских фельсов начинается с третьей четверти VIII в., когда право чеканки не только серебра, но и бронзовой монеты переходит в руки арабских чиновников на местах. С этого времени в надписях на местных фельсах проставляется место и год утверждения серии. Первая по времени известная нам серия с указанием места чекана и года была выпущена в Бухаре от имени Абу Дауда Халида в 138 (756/7) г. х. В Самарканде такие фельсы были, видимо, впервые выпущены в 143(760) г. х., причем на первых из них воспроизводится так называемый бухарский знак, на вторых — знак самаркандских ихшидов. Смену монетного типа сопровождает

изменение техники изготовления монет. Меняется и состав сплава металла, из которого изготовлялись монеты.

Судя по смене надписей на монетах, арабская письменность была принята в качестве официальной в наместничество Абу Муслима или при его преемнике Абу Дауде Халиде и как таковая вводилась в учреждениях Согда. В Хорасане это мероприятие имело место раньше — в 124(741/742) г. х. Государственное согдийское письмо, закрепившее в свое время согдийский литературный язык, перестает быть таковым. Смену письменностей с документальной точностью фиксируют надписи на монетах, фиксируют они и разные этапы освоения согдийской письменности тюрками.

Все эти предварительные выводы надлежит еще проверить. Новых материалов для этого теперь достаточно. В заключение не могу не подчеркнуть всего значения среди них нумизматических.

Даже простой просмотр новых накопившихся монет из раскопок и пересмотр старых позволяют наметить основные нумизматические области и районы Средней Азии, их границы, изменяющиеся во времени. В раннем средневековье важнейшими из этих областей были (с запада на восток) Хорезм, Согд (Западный, Восточный и Южный), Панч, Усрушана и районы к северу от реки Сырдарья, Тохаристан (Нижний и Верхний) и Фергана. Особое место принадлежало на западе Мервскому оазису, на востоке — Семиречью.

Для датировки монет и установления области обращения разных их групп и типов первостепенное значение приобретают данные археологической нумизматики. Огромный накопившийся материал требует систематизации — составления сводных типологических каталогов. Без таких сводных каталогов дальнейшее изучение этого первоклассного источника не может быть плодотворным. Публикация сводных каталогов отнюдь не снимает вопроса об издании археологических монетных комплексов. Издание последних ставит перед собой иные задачи. Параллельная подготовка этих двух типов публикаций необходима. Если первую из них можно сравнить с полным изданием документов городского архива, то вторая представляется изданием тематически подобранных документов из разных архивов края. На очереди стоит разработка согдийской сфрагистики. Согдологам предстоит подготовить сводное издание имеющихся в нашем распоряжении согдийских надписей, без которого успешная разработка этих вспомогательных дисциплин невозможна.

O. I. Smirnova

SOGD

(to the history of studying of the country and aims of its research)

In the offered to readers historio- and archaeological article a special attention is paid to the Sogdian documents, coins and inscriptions discovered on the territory of ancient Sogdiana, and to the importance of these

new sources for developing of the history of middleaged Sogd as a self-consistent subject but not in the common history of Middle Asia or in prehistory of the republics which had taken place on its territory.

The main attention, as the author of the article considers, should be paid now to the inner history of the country, to the consecutivly studying, as new facts of its individual problems are discovered, first the problems of concrete economy, which almost were not studied and now there are all necessary premises for this.

Stressing the great importance of the archeological works in Middle Asia which had contributed in the 20-s to the closest connections of the oriental studies in Russia with the Middle Asian theme, the author notes the necessity of the publication in the nearest future of complex catalogues of the new great number of archeological material, including coins and inscriptions without which the further studying and usage of these valuable sources can't be successful.
